

АРТЕФАКТЫ «СЕКОНД-ХЭНД» В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ И САКРАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ АНТИЧНОГО БОСПОРА

В.А. Хршановский

Аннотация. Статья посвящена вторичному использованию асинхронных ранних вещей в более поздних – преимущественно римского и позднеримского времени – погребениях, тризнах и святилищах, выявленному в ходе раскопок некрополей на Илуратском плато, возле города-крепости Илурат I–III вв. н. э. и на Китейской равнине, близ приморского города Китея V в. до н. э. – VI в. н. э. Приведенные факты свидетельствуют о том, что наличие таких вещей в закрытых археологических комплексах носит неслучайный характер. Прежде чем оказаться в этом контексте, они должны были быть где-то найдены, по каким-то признакам выделены, подобраны и принесены к месту последнего использования. На Илуратском плато эллинистические вещи из подобных комплексов являются косвенным подтверждением существования прото-Илурата, местонахождение которого тем, кто их находил, было известно, в отличие от нас. В Китее и на примыкающих к нему некрополях наличие ранних слоев и объектов V–IV вв. до н. э. требовало более строгого подхода для доказательства не случайного, а преднамеренного попадания ранних вещей в гораздо более поздние погребальные и поминальные комплексы. Однако и здесь собранные факты подтвердили выявленную закономерность. Причина особого отношения к вещам «секонд-хэнд» и стремление использовать их в совершавшихся обрядах кроется в мифоритуальном типе сознания, присущем боспорянам того времени.

Ключевые слова: Античный Боспор, погребально-поминальные памятники, святилища, артефакты «секонд-хэнд», мифоритуальное сознание.

«SECOND-HAND» ARTIFACTS IN BURIAL MEMORIALS AND SACRAL COMPLEXES OF ANCIENT BOSPORUS

V.A. Khrshanovskyi

Abstract. The article is devoted to the secondary use of asynchronous early objects in later – mainly Roman – burials, funeral feasts and sanctuaries, which was revealed during the excavations of necropolises on the Ilurat plateau near town-fortress Iluraton (I–III c. A.D.) and on the flatland near seaside town Kytaia (V c. B.C. – VI c. A.D.). Adduced facts evidenced that the presence of such objects in the enclosed archeological complexes is not coincidental. To be found in this context first they had to be discovered somewhere, somehow distinguished, picked up and brought to a place of their latest use. Hellenistic objects found in such complexes on the Iluraton plateau indirectly confirm the existence of proto-Iluraton, which location was known to those, who collected them then – but not to us. In Kytaia and adjacent necropolises the presence of early strata and objects of V–IV c. B.C. required more rigorous approach to assert that those objects were placed in much later burial and commemorative complexes not accidentally, but deliberately and with a purpose. However, facts gathered confirm the revealed pattern. Specific attitudes towards “second-hand” objects along with the tendency to use them in rites were caused by the mytho-ritual type of consciousness, immanent to the Bosphorus people of that time.

Keywords: ancient Bosphorus, burial-memorial complexes, sanctuaries, «second-hand» artifacts, mytho-ritual type of consciousness.

Многолетние раскопки некрополей и святилищ на Илуратском плато и Китейской равнине, названных по близлежащим боспорским городам – Илурату (I–III вв.) и Китею (V в. до н. э. – VI в. н. э.) – дали богатый и разнообразный материал для изучения погребально-поминальной обрядности и религиозно-мифологических представлений боспорян. Среди наблюдений и открывшихся закономерностей примечателен факт намеренного вторичного использования в совершавшихся ритуалах асинхронных древних вещей, представлявших собой своеобразный античный «секонд-хенд».

Впервые в нашей археологической практике это явление как нечто экстраординарное было зафиксировано на северном участке (или отдельном некрополе) Илуратского плато, когда в одной из непо потревоженных детских грунтовых могил с тремя погребенными детьми (№ 129), надежно датирующейся I в. н. э., был обнаружен чернолаковый канфаровидный килик (рис. 1), бесспорно принадлежавший другому историческому периоду. Сосуды этой серии выпускались на протяжении первых трех четвертей IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, P. 117–118, pl. 28, № 652–666]. В Причерноморье большая часть находок канфаровидных киликов происходит из городских слоев или погребений второй – третьей четверти IV в. до н. э. [Рогов, 2011, с. 44].

На Илуратском плато объекты и слои эллинистического времени до сих пор не известны. В ходе раскопок встречались отдельные непрофильные фрагменты чернолаковых сосудов и ранних (IV–III вв. до н. э.) импортных амфор (Хиос, Фасос, Гераклея). Были единичные находки II–I вв. до н. э. – начала I в. н. э. – понтийская монета, фрагменты амфор и ранней краснолаковой керамики (с орнаментом белой краской и *en barbotin*). Поэтому канфаровидный килик IV в. до н. э. в закрытом комплексе I в. н. э. оказался большой неожиданностью. С одной стороны, эта находка возвращала к вопросу об эллинистическом «протоилурате» (или каких-либо других поселениях), грунтовых или курганных некрополях этого времени, расположенных неподалеку [Хршановский, 2014, с. 181–182]. С другой – позволяла предположить у тех, кто его использовал в последний раз какое-то особое отношение к «старым» вещам, сделанным «другими», в иной культурно-технологической традиции.

Со временем появились дополнительные косвенные подтверждения того, что на Илуратском плато (или где-то поблизости) могут находиться эллинистические памятники. Но следы их вновь обнаружались на гораздо более поздних объектах. Так, в святилище, функционировавшем с перерывами от поздней античности до середины IX в. н. э. (№ 228), были обнаружены три ножки синопских амфор второй пол. III – первой пол. II в. до н. э.: одна *in situ* (в чашевидном углублении-алтаре) (рис. 2) и две возле него в грунте заполнения [Тульпе, Хршановский, 2011, с. 228–229]. Отдельные фрагменты импортных эллинистических амфор до этого встречались при исследовании тризны в склепе № 160 и святилища № 162 [Ханутина, Хршановский, 2003, с. 320, рис. 8, 1–2].

По всей вероятности, для тех, кто вторично использовал их в своих ритуалах, они, как асинхронные, «чужие», также обладали особой «сакральной» значимостью. Ведь прежде чем эти асинхронные вещи оказались в позднеантичных ритуальных комплексах (IV в. н. э.) [Хршановский, 2015, с. 147], они должны были быть где-то найдены, по каким-то признакам выделены, взяты и принесены к месту последнего использования.

Факты преднамеренного использования старых вещей при совершении погребально-поминальных ритуалов были зафиксированы и на некрополях, расположенных возле другого боспорского города – Китея.

На центральном (северном) участке Китейского некрополя поверх плит перекрытия детской грунтовой могилы № 103 (которыми служили части разбитых известняковых антропоморфных изваяний) лежало целое антропоморфное изваяние, обращенное головой к востоку (рис. 3). По погребальному инвентарю могила надежно датировалась I–II вв. н. э. Антропоморфное изваяние с круглой головой на длинной шее, обнаруженное на плитах перекрытия, относится к типу 16, вариант б по классификации Н.В. Молевой, и датируется III в. до н. э. [Молева, 2012, кат. № 74, с. 131].

То, что оно было использовано случайно, просто как подвернувшаяся поблизости «удобная» плита известняка, маловероятно. Проанализировав все известные ей обстоятельства подобных находок, Н.В. Молева приходит к выводу, что антропоморфные изваяния и при вторичном употреблении, как правило, выполняли сакральные функции [Молева, 2012, с. 63]. Это могло быть обусловлено их специфической формой (антропоморфы), первоначальным назначением и местоположением (надгробные памятники, некрополь). Однако хочется обратить внимание на еще одну особенность: верхнее (целое) антропоморфное изваяние принадлежало другой – в данном случае отстоящей на три века от погребения в могиле – эпохе и культуре.

На другом – юго-западном участке некрополя Китея, в детском саркофаге (№ 331), вырезанном из известняка, было обнаружено потрепанное погребение двухмесячного ребенка. По сопутствующему погребальному инвентарю: бронзовому круглопроволочному раздвижному браслету с завязанными концами, янтарной уплощенной пронизи неправильной формы, стеклянным бусинам, оно бесспорно датируется позднеримским временем, причем, скорее всего, как и все остальные могилы, открытые на этом участке – IV в. н. э. [Хршановский, 2016, с. 108–141, рис. 10]. При этом на груди младенца лежала нашивная бляшка желтого металла со штампованным изображением головы горгоны Медузы, обрамленной жемчужником, датируемая второй – третьей четвертью IV в. до н. э. [Журавлев и др., 2014, кат. № 27, табл. 10; 20, с. 92]. По всей вероятности, она могла быть найдена в одном из разрушенных и разграбленных к тому времени эллинистических склепов (№№ 141, 206, 300), открытых и исследованных неподалеку [Хршановский, 2013, с. 182–200], и вторично использована более чем через 700 лет при погребении младенца в саркофаге № 331.

Неслучайность асинхронных находок в погребениях подтвердилась и в ходе исследования поминальных комплексов. В конце 80–90-х гг. XX в. к северу от городища Китя на невысоком склоне, обращенном к закатному солнцу, образованном подъемом скального массива к востоку от пахотного поля, между кряжем Джург-Оба и береговой линией, были заложены четыре раскопа: XVIII, XIX, XX, XXVII. Здесь было открыто, исследовано и доследовано после грабителей более 50 погребальных и погребально-поминальных комплексов. Среди них оказались остатки склепов со стенами, сложенными из блоков известняка и полом, вымощенным плитами, склепы-катакомбы с пещеровидными камерами, грунтовые, плитовые, вырубные могилы, детские известняковые саркофажки, могилы со следами кремации, ритуальные площадки с захоронениями лошадей, собак и следами огня. Многие из них использовались неоднократно, что затрудняло определение времени их сооружения и первоначального использования.

XIX раскоп, по разнообразию и разновременности открытых в нем комплексов, почти не отличался от всех остальных. Здесь находились грунтовая могила № 114 второй четверти IV в. до н. э.; склеп № 100 с вымощенным полом II–I вв. до н. э.; грунтовые могилы со следами кремации (№№ 99, 136, 137) II–I вв. н. э.; вырубная могила № 90 I в. до н. э. – I в. н. э. и две грунтовые могилы (№№ 131 и 135) первых веков н. э. Найденный в мешаном слое этого раскопа материал (фрагменты импортных и боспорских амфор, чернолаковых киликов и канфаров, «мегарских» чаш, финикийская подвеска из полихромного стекла, обломки буролаковых и краснолаковых сосудов), как и в соседних, в основном не выходил за рамки IV в. до н. э. – первых веков н. э.

В северо-восточном углу раскопа, над склепом № 100, на глубине 0,5–0,6 м от дневной поверхности, в скоплении камней и щебня на 12 кв. м были найдены 46 человеческих черепов и скопление беспорядочно лежащих (преимущественно длинных) костей людей. Судя по их местонахождению (над склепом II–I вв. до н. э.), это коллективное захоронение относится к римскому или еще более позднему времени. Но к северо-западу от него, в том же слое на площади 4 × 4 м на протяжении нескольких сезонов (1990–1992 гг.) встречались небольшие разрозненные фрагменты чернофигурного сосуда архаического времени.

Как уже отмечалось, позднеэллинистический склеп № 100 находился ниже костей и черепов коллективного захоронения. Расположенные южнее грунтовые могилы №№ 99 (II–I вв. до н. э.) и 114 (второй четверти IV в. до н. э.) – тоже. Разрыв во времени с обломками архаического сосуда слишком велик, чтобы напрямую связывать их между собой. Можно было бы предположить, что они происходят из разрушенного архаического погребения. Но комплексы этого времени (конца VI в. до н. э.) на некрополе пока неизвестны. Самые ранние могилы (№№ 9, 24, 31, 87) относятся к V в. до н. э.

Явная «асинхронность» фрагментов чернофигурного кратера, датируемого последней четвертью VI в. до н. э. [Петракова и др., 2015, с. 103], археологическому

контексту XIX раскопа (да и всего этого участка некрополя в целом) склоняет к мысли о том, что они были преднамеренно вторично использованы, скорее всего, при совершении тризны. В пользу этого предположения может свидетельствовать как отсутствие остальных частей сосуда, так и неслучайный, как представляется, «набор» найденных расписных фрагментов: голова Диониса, нога сатира, листья плюща, бутоны лотоса (рис. 4).

Для древних греков кратер, на котором изображен бог Дионис со свитой сатиров, не мог не иметь сакрального смысла. Теоретически, он, как и некоторые другие расписные сосуды, мог быть изначально предназначен для использования в погребальном ритуале. Однако, судя по стандартному размеру, форме, росписи с обычным дионисийским сюжетом (насколько о нем можно судить по имеющимся фрагментам), этот кратер вполне мог вначале предназначаться для смешивания вина с водой на симпозиисе, а лишь затем превратиться в погребальный инвентарь.

При предполагаемом вторичном использовании (возможно, теми, кто уже не был знаком с греческой мифологией, не узнавал Диониса «в лицо» и не соотносил «изображение ноги» с ногой сатира) фрагменты расписного кратера в качестве элементов тризны могли быть наделены иным смыслом. В соответствии с ведийской традицией соотношения тела жертвы с трехчастной структурой мира, голова и ноги (по анатомическому коду) адекватны «верхнему» – небесному и «нижнему» – хтоническому мирам. Подтверждением правомерности такой интерпретации археологического материала, помимо прочего, стали результаты палеозоологического анализа костных останков животных из тризн боспорских некрополей: в них тоже выявлено преобладание «голов и конечностей» [Каспаров, 1996, с. 39]. Туловище жертвенного животного, коррелирующее со «срединным» – профанным миром, в этом случае намеренно исключалось из жертвенного ритуала.

В греческой погребальной традиции листья плюща и бутоны лотоса имели свой смысл, символизируя бесконечный круговорот в цикле «жизнь – смерть – возрождение» [Бидерманн, 1996, с. 151–152]. При вторичном использовании фрагментов с их изображением они могли восприниматься уже не как «плющ» и «бутон лотоса», а просто как растительный орнамент, сохраняя при этом свою семантику.

На юго-западном, прибрежном участке некрополя Китея, где из-за интенсивной береговой абразии работы ведутся непрерывно на протяжении почти трех десятилетий, вначале были исследованы три склепа (№№ 141, 206 и 300) середины – второй половины IV в. до н. э. [Хршановский, 2013, 182–200] и около четырех десятков могил (среди которых был и описанный выше детский саркофаг № 331) IV в. н. э. [Хршановский, 2016, с. 108–141] с сопутствующими тризнами. В тризнах на ритуальных площадках и в мешаном слое над склепами и вокруг них встречался разновременный материал с хронологической вилкой в 700–750 лет. Однако установить случайно или преднамеренно попали ранние вещи в поздние поминальные комплексы там – было невозможно.

С большей степенью вероятности можно было бы говорить об этом при анализе материала, найденного в грунте заполнения позднеантичного грунтового склепа № 344, расположенного по соседству. Однако территориальная близость к склепам IV в. до н. э. не исключала того, что вещи из них и туда попали случайно.

После завершения раскопок склепа № 344 ближе к западной крепостной стене городища был заложен еще один раскоп, получивший порядковый номер XLVI. После нескольких лет исследования (2010–2017 гг.) в нем были обнаружены три грунтовые могилы (№№ 382, 384 и 386), несколько жертвенных ям (№№ 377–379, 381, 383, 385), ритуальный комплекс № 380 и захоронение лошади.

Все перечисленные выше объекты были перекрыты общей насыпью из серо-желтого рассыпчатого суглинка, которая имела форму вала, шириной не менее 20 м, высотой до 2 м, вытянутого в меридиональном направлении. Южная оконечность вала (вместе с частью высокого обрывистого берега и всем, что на нем находилось) к настоящему времени разрушена интенсивной береговой абразией. В северном направлении вал, получивший № 4 (с востока на запад), отчетливо прослеживается не менее чем на 80 м. Общее количество параллельных друг другу «валов», вытянутых с юга на север, зафиксированных на протяжении около 700 м к западу от западной крепостной стены Китея, насчитывает более двух десятков.

На основании исследований, проведенных к настоящему времени на «валах» №№ 4 и 1 (ближайший к городищу), можно утверждать, что они представляют собой ритуальные (погребально-поминальные?) комплексы – часть позднеантичного некрополя IV в. н. э.

Под «валом» № 4 в образующей его насыпи и на уровне древнего горизонта в изобилии были представлены кости животных, как целых особей (лошади), так и их отдельных частей: лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, заяц-русака, а также птиц, дельфина, рыб и клешни краба.

Самые поздние материалы в этом закрытом комплексе – и в могилах, и в сопутствующих им признаках – датировались IV в. н. э. Однако, помимо синхронных – по всей вероятности – следов жертвоприношений животных, в раскопе XLVI содержалось большое количество разновременного материала с зафиксированной ранее на этом участке некрополя хронологической вилкой: IV в. до н. э. – IV в. н. э. Асинхронный эллинистический материал IV–II вв. до н. э. был представлен довольно многочисленными фрагментами (в том числе с клеймами) импортной амфорной керамики (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа, Родос), обломками расписных чернолаковых сосудов (на некоторых из них имелись графито), терракотовыми статуэтками и раннеэллинистической медной пантикапейской монетой (Л.с. Голова бородатого сатира. О.с. стерта), условно датирующейся ок. 310–304 гг. до н. э. Скорее всего, эти вещи были взяты из тех же эллинистических склепов, расположенных поблизости (к тому времени, по всей вероятности, уже разрушенных и разграбленных).

В меньшем количестве в насыпи присутствовал материал I в. до н. э. – II в. н. э.: фрагменты амфоры, расписной керамики, краснолаковых сосудов, медная пантикапейская монета, по ближайшей аналогии (Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Пасущийся Пегас влево) датируемая ок. 47–37 гг. до н. э. Среди амфорных клейм этого же времени заслуживает упоминания редкое для Северного Причерноморья римское клеймо VISELL[II] [Павличенко, 2012, с. 100–107].

Общее количество и местонахождение этих гораздо более ранних вещей могут свидетельствовать о том, что «чужие» вещи были преднамеренно собраны, принесены и вторично использованы в погребально-поминальных обрядах в конце III–IV вв. н. э. Косвенным подтверждением высказанного предположения является то, что многие фрагменты амфор с клеймами как будто специально сколоты или обломаны, а некоторые клейма находились на окатышах (рис. 5).

Помимо разновременных вещей, принадлежащих в целом к античной эпохе, в исследованных комплексах оказались (и вряд ли случайно) [Тульпе, Хршановский, 1997, с. 155–166] каменные орудия труда (обломок топора, кремневый нож) и «отходы» их производства, (нуклеусы и кремневые отщепы).

За последние полторы тысячи лет трансгрессия Чёрного моря и сопутствующая ей береговая абразия значительно (по некоторым расчетам на 300–400 м) отодвинула береговую линию к северу. Из этого следует, что во время сооружения позднеантичного некрополя море находилось гораздо дальше от места раскопок и многочисленные гальки и створки раковин, повсеместно встречающиеся в тризнах, должны были быть подобраны в море или на берегу – на значительном удалении от места находки – и принесены к тому месту, где они были обнаружены.

В последнем из раскопов этого участка – XLVII, заложенном в 2016 г., в насыпи № 1, появились профильные фрагменты амфор, надежно датирующиеся IV в. н. э., что подтверждало предварительную датировку и всех поздних погребально-поминальных действий на юго-западном участке китейского некрополя. Среди подавляющего большинства стенок реберчатых красноглиняных амфор и обломков лепной посуды крайне неожиданными оказались пять фрагментов сосуда с рельефными изображениями театральных (трагических) масок, виноградной лозы и кисти винограда, морды козла и туловища еще одного четвероногого животного (козла или собаки) (рис. 6).

Внешняя поверхность покрыта тонким светлым, желтоватым ангобом. Поверх ангоба сосуд был раскрашен голубой краской, следы которой местами (в основном в углублениях) сохранились. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, сосуд представлял собой чашу большого диаметра с вертикальными стенками и широким слабо выраженным венчиком, подчеркнутым на лицевой стороне тонкой бороздкой. Рельеф был оттиснут в форме, глаза и рты масок и доработаны стекой.

Сюжет рельефа, по всей вероятности, носит культовый (дионисийский?) характер. На данном (начальном) этапе исследования отсутствие близких аналогий не

позволяет ни уточнить назначение сосуда, ни определить время его создания. Однако его асинхронность и инокультурность – по предварительным данным некрополь принадлежит сармато-аланам, вторгшимся на Керченский полуостров между «готами» и «гуннами» – сомнений не вызывают.

Выявленные факты присутствия асинхронных старых вещей в погребально-поминальных и сакральных комплексах позволяют предположить, что в восприятии тех, кто их использовал в своей обрядовой практике, они обладали особым статусом, были исполнены глубокого, жизненно важного смысла. Причем это распространяется не только на вещи, принадлежащие той же исторической эпохе – античности, но и на каменные орудия труда и отходы их производства. Необходимо отметить также, что, помимо рукотворных «артефактов», в исследованных комплексах часто встречались природные – окаменелости, морские ракушки, гальки, кусочки мела и охры, обладавшие в глазах последних пользователей свойствами, как-то коррелирующими с совершаемым обрядом.

Выделение вещей и/или объектов, принадлежащих иной (более древней) культуре, иной технологической традиции, и использование их в собственных ритуалах не случайно и не может быть объяснено исключительно утилитарными соображениями. Скорее, это связано с особенностями и потребностями архаического мифоритуального типа мышления, присущего боспорянам, как и всем представителям традиционных обществ [Тульпе, 2012, с. 13–38].

Рис. 1. Илуратское плато. Чернолаковый канфаровидный килик IV в. до н. э. из могилы № 129, I в. н. э.

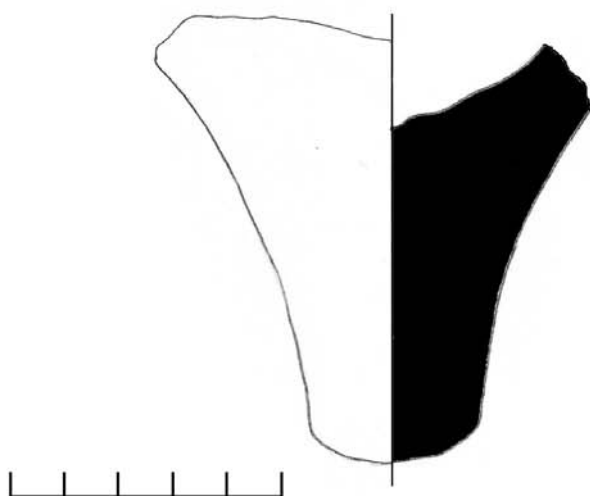

Рис. 2. Илуратское плато. Ножка синопской амфоры III–II вв. до н. э. в позднеантичном или раннесредневековом святилище

Рис. 3. Некрополь Китея. Антропоморфное изваяние III в. до н. э. в перекрытии могилы № 109 I–II вв. н. э.

Рис. 4. Некрополь Китея. Фрагменты чернофигурного кратера последней четверти VI в. до н. э. из тризны первых веков н. э.

Рис. 5. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Сколы-окатыши ручек родосских амфор II в. до н. э. из погребально-поминального комплекса IV в. н. э.

Рис. 6. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Фрагменты рельефного сосуда с дионисийским сюжетом из тризны IV в. н. э.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М.: Исторический музей, 2014. 352 с.

Каспаров А.К. Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурат и Китей // *Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции.* СПб.: Из-во ГМИР, 1996. С. 38–40.

Молева Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2012. 178 с.

Павличенко Н.А. Находка римского клейма в Китее // *ФИДИТИЯ: памяти Ю.В. Андреева: Сб. научных трудов.* СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2013. 111 с.

Петракова А.Е., Ханутина З.В., Хршановский В.А. Фрагменты аттического чернофигурного кратера VI в. до н. э. из некрополя Китея // *С Митридата дует ветер.*

- Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова.* М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 99–104.
- Рогов Е.А. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму // *МАИЭТ. Supplimentum.* Вып. 10. Симферополь, 2011. 216 с.
- Тульпе И.А. Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. 320 с.
- Тульпе И.А., Хршановский В.А. Кремни в погребально-поминальной обрядности Боспора // *Боспор и античный мир. Сборник научных трудов.* Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. С. 155–166.
- Тульпе И.А., Хршановский В.А. Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато // *Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 228–236.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // *Боспорские исследования.* Вып. III. Симферополь, 2003. С. 315–328.
- Хршановский В.А. Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // *Культурный слой: сб. научных статей. Вып. 2.* Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2013. С. 182–200.
- Хршановский В.А. Археологические исследования Илуратского плато (ретроспектива и перспектива) // *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного столетию со дня рождения М.М. Кубланова.* СПб.: Нестор-История, 2014. С. 172–182.
- Хршановский В.А. Круглые святилища на Илуратском плато. Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности // *Таврические студии. Исторические науки.* № 7. Симферополь, 2015. С. 142–147.
- Хршановский В.А. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // *Культурный слой: сб. научных статей.* Вып. 4. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2016. С. 108–141.
- Sparkes В.А., Talcott L. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. The Athenian Agora. Vol. 12.* Princeton: Published by The American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p.

REFERENCES

- Bidermann G. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow: Respublika, 1996. 335 p. (in Russian).
- Zhuravlev D.V., Novikova E.Yu., Shemakhanskaya M.S. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya. Istoriko-tekhnologicheskoe issledovanie* [Jewelry from the Kul'-Oba Mound in the Collection of the Historical Museum. Historical and technological research]. Moscow: Istoricheskij muzej, 2014. 352 p. (in Russian).
- Kasparov A.K. *Faunistichekie ostatki s nekropolej bosporskikh gorodov Ilurat i Kitej* [Faunistic Remnants from the Necropolises of the Bosporian Cities of Iluraton and

Kytaia], in: *Zhivotnye i rasteniya v miforitual'nykh sistemakh. Materialy nauchnoj konferentsii* [Animals and Plants in Mythological systems. Collective Papers of the Scientific Conference]. SPb.: Izd-vo GMIR, 1996. P. 38–40 (in Russian).

Moleva N.V. *Bosporskie antropomorfnye izvayaniya. Kross-kul'turnye i mezhehtnicheskie kommunikatsii vo vremeni i prostranstve* [Bosporian Anthropomorphic Sculptures. Cross-cultural and Interethnic Communications in Time and Space]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2012. 178 p. (in Russian).

Pavlichenko N.A. Nakhodka rimskogo klejma v Kitee [Discovery of a Roman Stamp in Kytaia], in: *FIDITIYA: pamyati Yu.V. Andreeva. Sbornik nauchnykh trudov* [In memory of Yuri Viktorovich Andreev]. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 2013. P. 100–107 (in Russian).

Petrakova A.E., Khanutina Z.V., Khrshanovskij V.A. Fragmenty atticheskogo chernofigurnogo kratera VI v. do n. eh. iz nekropolya Kiteya [Fragments of the Attic Black-figure Crater of the VI century BC from the Kytaia Necropolis], in: *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [The Wind Blows from the Mithridates. Bosphorus and the Black Sea Region in Antiquity. To the 70th anniversary of V.P. Tolstikov]. Moscow: Russkij Fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. P. 99–104 (in Russian).

Rogov E.A. Nekropol' Panskoe 1 v Severo-Zapadnom Krymu [Necropolis of Panskoe 1 in the North-Western Crimea], in: *MAIHT. Supplementum*. Vyp. 10. Simferopol', 2011. 216 p. (in Russian).

Tul'pe I.A. *Mifologiya. Iskusstvo. Religiya* [Mythology. Art. Religion]. SPb.: Nauka, 2012. 320 p. (in Russian).

Tul'pe I.A., Khrshanovskij V.A. Kremni v pogrebal'no-pominal'noj obryadnosti Bospora [Flintstone in the Burial Funeral Rite of the Bosphorus], in: *Bospor i antichnyj mir. Sbornik nauchnykh trudov* [Bosphorus and the Ancient World. Collected papers]. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gumanitarnyj tsentr, 1997. P. 155–166 (in Russian).

Tul'pe I.A., Khrshanovskij V.A. Novyj kompleks khazarskogo vremeni na Iluratskom plato [A New Complex of Khazar's time on the Ilurat plateau], in: *Bosporskij fenomen: naselenie, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Bosporus Phenomena: Population, Languages, Contacts. Materials of the International Scientific Conference]. SPb.: Nestor-istoriya, 2011. P. 228–236 (in Russian).

Khanutina Z.V., Khrshanovskij V.A. Ritual'nye sooruzheniya na nekropole Ilurata [Ritual Constructions at the Ilurat Necropolis], in: *Bosporskie issledovaniya. Vyp. III* [Bosporian Studies. Iss. 3]. Simferopol', 2003. P. 315–328 (in Russian).

Khrshanovskij V.A. Elitnye sklepy IV–III v. do n.e. na yugo-zapadnom uchastke nekropolya Kiteya [Hellenistic Crypts of the Elite at the South-Western Part of the Cytaia Necropolis Dating from 4th – 3rd centuries BC], in: *Kul'turnyj sloj. Sbornik nauchnykh statej. Vyp. 2* [Cultural Layer. Iss. 2. Collected Papers]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2013. P. 182–2000 (in Russian).

Khrshanovskij V.A. Arkheologicheskie issledovaniya Iluratskogo plato (retrospektiva i perspektiva) [Archaeological Research of the Ilurat Plateau (Retrospective and

Perspective)], in: *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy kruglogo stola, posvyashhennogo stoletiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova* [Funeral Culture of the Bosphorus Kingdom. Materials of the Round Table dedicated to the centenary of the birth of M.M. Kublanov]. SPb.: Izd-vo «Nestor-Istoriya», 2014. P. 172–182 (in Russian).

Khrshanovskij V.A. Kruglye svyatilishha na Iluratskom plato. Problemy khronologii i ehtnokul'turnoj prinadlezhnosti [Round Sanctuaries on the Ilurat plateau. Problems of Chronology and Ethnocultural Affiliation], in: *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki* [Tavrisheskie studios. Historical Sciences]. № 7. Simferopol', 2015. P. 142–147 (in Russian).

Khrshanovskij V.A. Gruntovye mogily na yugo-zapadnom uchastke nekropolya Kiteya (po materialam raskopok 1992–2013 gg.) [Soil at the South-Western Part of the Cytaia Necropolis (upon the Materials Excavated in 1992–2013)], in: *Kul'turnyj sloj. Sbornik nauchnykh statej. Vyp. 4.* [Cultural Layer. Iss. 4. Collected Papers]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2016. P. 108–141 (in Russian).

Sparkes B.A., Talcott L. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. The Athenian Agora. Vol. 12.* Princeton: Published by The American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p.